

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI 10.35775/PSI.2025.124.12.001

УДК 93/94

К.А. УШМАЕВА

доктор исторических наук,
профессор кафедры социально-экономических
и гуманитарных дисциплин, Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России,
Россия, г. Ставрополь

К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Предметом данной статьи является комплекс источников по истории повседневности Великой Отечественной войны, анализу подвергаются разнообразные виды и формы исторических свидетельств, особое внимание уделяется применению малоиспользуемым в исторических исследованиях материалам судебной практики. Актуальность исследования обусловлена возрастающим вниманием исследователей к проблемам повседневности Великой Отечественной войны и проблемой поиска репрезентативных источников отражения различных аспектов общественной жизни, частных семейных практик в годы войны. Автор отмечает, что, помимо опоры на воспоминания, мемуары, письма и другие источники личного происхождения при реконструкции истории повседневности исследователь часто нуждается в официальной документации, дающей наиболее объективную информацию о жизни людей. Анализ и поиск такого рода информации в официальных источниках затруднен, так как зачастую обезличен и излишне идеологизирован. Подспорьем на пути поиска личной информации в официальных документах может стать судебная практика – приговоры, решения судов, обзоры и доклады Наркомюста. Этот вид источников, как показывает автор на примере микроанализа судебной практики деятельности народных судов Ставропольского края и Карачаево-Черкесии в 1943 г., позволяет не только увидеть на небольшом срезе характер и виды преступности, основные мотивы преступления закона, позволяет дать оценку деятельности судебной системы, отношения общества и власти, дать характеристику нравственным установкам подсудимых и отношения к ним. Автор делает вывод о необходимости широкого использования всех имеющихся исторических свидетельств по истории повседневности в едином комплексе.

Ключевые слова: повседневная жизнь, исторические источники, приговоры, судебная практика, Великая Отечественная война.

Введение. Изучение повседневной жизни человека, социальной группы или сообщества, например жителей отдельного региона, местности в годы

Великой Отечественной войны – стратегий выживания в тяжелых условиях войны, оккупации, эвакуации, деловых повседневных практик, условий труда и возможностей отдыха, реализации личных чувств, амбиций, устремлений и т.д. в настоящее время является одним из актуальных направлений исследований. Понять и почувствовать, как жили и чем дышали наши дедушки и бабушки, более старшие поколения, как они решали повседневные проблемы, найти источник их оптимизма и выживаемости в любых, даже самых сложных обстоятельствах войны – хороший пример для понимания ценностей собственной жизни и воспитания последующих поколений.

Как отмечает Е.Ф. Кринко, приводя обстоятельный анализ современной историографии Великой Отечественной войны, историческая антропология и история повседневности как научные направления являются ведущими новыми тенденциями в изучении военного периода. Применение методов и приемов микроистории дает возможность исследовать прошедший период более фрагментарно, на мезо- и микро- историческом уровне, изучить те проблемы, которые ранее не изучались или исследовались лишь частично, например, специфические способы выживания женщин и детей в условиях войны, пути и способы удовлетворения потребностей населения как бытовых, так и духовных [8].

Действительно, изучение история повседневности Великой Отечественной войны, как центральных эпохальных процессов, например, блокады Ленинграда, так и локальных сообществ и их жителей – позволяет увидеть историю в другом ракурсе – как историю жизни обычных людей, часто незаметных, не совершивших в жизни ничего особенно героического, но интересных именно своей ординарностью. Такое исследование способно не только добавить исторической картине эпохе глубины и объема, но и, сравнивая повседневность людей в годы Великой Отечественной войны с сегодняшним днем, обрести глубокое уважение к опыту предков.

Постановка проблемы. Одной из центральных проблем каждого исследователя истории повседневности является поиск и анализ источников исследования. Этот вопрос, также, как и поиск адекватных методов – ключевой для любого исторического исследования, но для истории повседневности он особенно важен, так как, словами Марка Блока, «за зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей...» [1. С. 18].

Вместе с тем, как в выборе предмета исследования, методологии исторической повседневности, так же как и в поиске наиболее адекватных, аутентичных исторических источников, как в отечественной, так и в зарубежной историографии присутствует значительный плюрализм мнений [12. С. 290-322]. Какие источники репрезентативны, правомерно ли в научном исследовании опираться только на документы личного происхождения или они слишком субъективны, Допустимо ли игнорировать большие документальные комплексы с личной информацией о людях, ничем не примечательных в истории?

Ответом на последний вопрос стали значительные исследования, выполненные в Институте антропологии и этнологии РАН, в других научных центрах. Открытием для массового читателя и для профессионального историка стала работа Н. Козловой, основанная на т.н. «низовых источниках – рассказах и письмах обычных людей [7]. Одной из первых работ в русле истории повседневности стала глубоко фундированная работа Н.П. Зубковой, основанная на анализе многочисленных «писем во власть» и частной переписке в послевоенном СССР [5]. Не менее важной проблемой представляется ответ на вопрос: как извлечь информацию из такого вида источника как официальные документы – материалов делопроизводства центральных и местных органов власти, судебных и надзорных, правоохранительных органов?

Материалы и методы. Целью данной публикации является анализ проблемы применения разных типов исторических свидетельств в историческом исследовании, в частности, использования документов личного происхождения, официальной делопроизводственной документации. С учетом большого количества публикаций по истории Великой Отечественной войны в задачи исследования не входит подробный анализ всех видов исторических источников.

Автор опирается на традиционные в научной работе принципы историзма и стремления к объективности, используя как системный подход, так и приемы микроисторического исследования. При подготовке статьи использован широкий круг источников, которые стали, одновременно, предметом анализа. Основное внимание уделяется применению в историческом исследовании практики деятельности народных судов на примере народных судов Ставрополя и Карачаево-Черкесии.

Источники личного происхождения и их особенности. Изучая историю повседневности того или иного периода истории, исследователи вынуждены значительно расширить источниковую базу. В отличие от традиционных работ, выполненных с позиций позитивизма, большое значение уделяется источникам личного происхождения – дневникам, мемуарам, воспоминаниям, переписке – то есть тем материалам, которые позволяют понять мотивы человеческих поступков, «нащупать» личность человека в истории – его систему ценностей, стереотипы, способ видения мира. Через восприятие обычных, ничем не примечательных в истории людей можно оценить и отношение к власти, и адресность социальной политики, и систему социально-экономических отношений в обществе. Безусловно, с этим утверждением можно поспорить, как можно поспорить с любым методом «вчитывания», «вживания» в текст источника [13] как с ненаучным, исключительно субъективным, односторонним. Но ведь и мы, каждый из исследователей, субъекты в истории, и наше восприятие исторических процессов и явлений будет только стремиться к объективности, но, без сомнений, объективным быть не может.

К сожалению, для изучающих историю повседневной жизни в годы Великой Отечественной войны с каждым годом все более недоступными становятся материалы устной истории, и тем более ценными остаются записанные воспоминания

современников событий войны. Для изучения повседневности истории Великой Отечественной войны сохранившиеся воспоминания ветеранов, участников сражений, просто жителей тыловых регионов – составляют важнейшую часть источниковой базы. Прежде всего, источников личного происхождения этого периода достаточно много, достаточно большая часть опубликована, собрана в сборники, масштабную коллекцию воспоминаний содержит сайт «Я помню». Есть детские и взрослые воспоминания о периоде войны, боевые и трудовые, фронтовые и тыловые, воспоминания и мемуары военачальников и письма с фронта простых солдат, собраны и осели в архивах, в том числе местных, дневниковые записи, которых, однако, немного, в силу обстоятельств. Все документы личного происхождения как исторические источники очень различны по информативности как по объективным причинам (письма пересматривались, подробные дневники не приветствовались), так и в зависимости от желания их создателя – какие мысли он хотел донести до читателя или интервьюера. Важным моментом представляется и тот факт, когда были записаны воспоминания: известное свойство человеческой памяти по разному воспринимать и оценивать события подчас мешает описать их в точности. Однако, как верно отмечают Н.Л. Пушкарева и С.В. Любичанковский, историки повседневности отказываются выступать в роли судьи человеческих поступков, не пытаются встать «над» источником и его автором, а задают тексту вопросы, способные прояснить мотивацию создателя документа, в той или иной ситуации разную [13].

Однако для построения исследования, понимания всей картины жизни населения, например, локального сообщества или группы людей в годы войны недостаточно только источников личного происхождения, хотя в зависимости от подробности и качества, например, воспоминания, оно может показать жизнь отдельной семьи или конкретного человека. Для генерализации и верификации полученных из воспоминания сведений не менее важны для историка повседневности и другие группы источников – материалы центральной и местной периодической печати, позволяющие иногда увидеть особенности обеспечения населения продовольственными и промышленными товарами, а также жилищные проблемы. Значимы и используются в работах материалы статистики, фото и кинодокументы, предметы повседневного быта, ставшие уже музейными экспонатами.

Делопроизводственные материалы органов власти как исторический источник. Несомненно, важной группой источников исследований повседневности Великой Отечественной остаются делопроизводственные материалы. Это могут быть как впервые вводимые в научный оборот всевозможные содержащиеся в архивных фондах и опубликованные справки, отчеты, доклады, материалы проверок центральных и местных органов власти, партийных ячеек, документы предприятий и организаций, в том числе личные дела, «письма во власть», обращения граждан в органы печати, сводки и справки правоохранительных органов. Использование архивных фондов было и остается важнейшим признаком научности диссертационного исследования, научной статьи или монографии, хотя

для историка повседневности официальные документы подчас представляются очень скудным источником, содержащим противоречивые сведения в сравнении с воспоминаниями, письмами или дневниками.

Тем не менее, ценность делопроизводственной официальной документации бесспорна: имея высокую степень обобщения и контроля, информация из делопроизводственных источников более объективна, чем другие виды источников, некоторые события, их динамику, в максимально полном виде возможно получить из документации, делопроизводственные документы, например, письма во власть, позволяют проследить частные судьбы через призму государственных преобразований. З.М. Кобозева, анализируя повседневные практики мещан конца XIX – начала XX века, а именно – обращения во власть, совершенно верно отмечает, что каждая ситуация, описанная в письмах во власть – отличается лапидарностью сюжета, особой эмоциональной окраской. Ситуация не рассказывает нам о всей жизни человека, она как бы вырвана из контекста, по сути это казус, который, однако, нельзя игнорировать – небольшой документ, частная судьба дает возможность проследить повседневные практики существования, стратегии жизненного поведения в той или иной ситуации [6].

Такое же впечатление сложилось у нас при знакомстве с обширным архивным материалом Государственного архива Ставропольского края, содержащим судебные документы: приговоры и решения народных судов, примеры судебных ошибок, приведенные в обзорах судебной практики и докладах Наркомюста за 1943-1945 гг. На этой группе источников, применительно к истории повседневности Великой Отечественной войны, и хотелось бы остановиться подробнее.

Приговоры и обзоры судебной практики: особенности анализа. Обращение к неформальным и неофициальным практикам СССР конца 1930-х – 1940-х гг. (так как последующий период пока недоступен для исследователя в силу закона) начал вызывать интерес российских и зарубежных исследователей не так давно [9. С. 22]. Такой источник информации как судебные приговоры обычно ускользает от внимания историка повседневности как слишком формализованный, и, не смотря на то, что в историографии есть успешный опыт изучения «норм» и «аномалий» советского общества [10], материалы судебной практики в исторических исследованиях повседневности применяются лишь точно, оставив исследование судебных дел по большей части юристам и историкам права.

Между тем, судебные дела, особенно если другие официальные документы периода войны уцелели мало или частично, как это произошло, например, на Ставрополье и в Карачаево-Черкесии, где события внезапной оккупации, долгого восстановительного периода не дали возможности сохранить многие документы, могут дать немало информации о жизни обычных людей, их повседневных практиках выживания в экстремальной ситуации. В судебных протоколах – слова и поступки людей, в приговорах – целые людские судьбы. В обзорах судебной практики Наркомюста – недостающие «детали»: частота и массовость совершения тех или иных преступлений, мотивация нарушителей закона,

оценка деятельности народных судов, того, насколько судьи стремились к объективности или почему выносили слишком «мягкие» приговоры.

Вот, например, докладная записка начальника Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ) по Ставропольскому краю т. Скалина по итогам изучения судебной практики по делам о преступлениях несовершеннолетних за IV квартал 1943 г. народными судами [4. Л. 7-12]. Из документа мы можем узнать пол, возраст, социальное положение несовершеннолетних нарушителей закона, указаны и виды преступлений по которым вынесены приговоры. Так, народными судами рассмотрены дела, большинство из которых относится краже (в 60 делах из 72) по ст. 162, п. «в» УК СССР, ст.162, п. «г». УК СССР – виды квалифицированной кражи, совершенной неоднократно, либо группой лиц в общественных местах – на вокзалах, в вагонах или гостиницах. Пункт «г» добавлял к квалификации место преступления – «из государственных или общественных складов, вагонов, судов или иных хранилищ» [14. С. 105-106]. Небольшая часть несовершеннолетних (6 чел) была осуждена за прогул или опоздание на работу (более 20 минут приравнивалось к прогулу) по 1 и 2 частям Указа Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. [15], 6 человек осуждены за хулиганство (74, ч. 2 УК СССР), двое за убийство по неосторожности (ст. 139 УК СССР). Большинству осужденных на момент вынесения приговора, согласно документу, было 15-16 лет, но есть и младше – 1929, 1930 и даже 1931 года рождения. У трети несовершеннолетних преступников оба родителя – отец и мать – находились на фронте [4. Л. 9].

Что толкало подростков на преступления? Жажда наживы или тяжелые условия жизни, при котором кража становилась жизненной стратегией, способом выживания? Ответ на этот вопрос в том же документе. Посмотрим на предметы преступления – что было украдено. Так, народным судом Шпаковского района осужден к 1 году лишения свободы Немцев Иван, 1928 г.р., за хищение 40 кг пшеницы. Виновным себя не признал, на суде показал, что эту пшеницу выдал ему председатель Гончаров для фуража [4. Л. 9]. Мураховский из открытого погребца похитил 3-4 литра сливок. Вместе с ним за кражу были осуждены несовершеннолетние Бугримов, Злыдина и Ледкова, степень вины которых не была установлена в досудебном следствии [4, л. 9]. В отношении Буляка Петра, обвиняемого по ст. 162 п. «г» о краже арбузов с колхозной бахчи, информация не подтвердилась, хотя дело было передано в суд [4. Л. 10]. Павел Колосов осужден к 2 годам лишения свободы за кражу 103 кг меда со склада Горпромптицекомбината, однако, в этот день, как было установлено уже в суде, находился в селе Пелагиада у сестры и в преступлении не участвовал [4. Л. 10]. 14-летний Воротыкин работал конюхом в колхозе, одну из лошадей, находящихся на выпасе, ночью загрызли волки, подросток был обвинен в преступной халатности [4. Л. 9].

Большинство детей и подростков – и об этом открыто свидетельствует аналитический доклад Наркомюста – совершали кражи, находясь в безвыходной ситуации, под угрозой голода и холода, причем не только своей, но младших членов семьи, так мать и отец оба находились на фронте. Например, нарсудом Изобильненского района в 1943 г. была осуждена Максимова к одному году

лишения свободы. Материалами дела было установлено, что Максимова – эвакуированная из Ленинграда, имеет на своем иждивении несовершеннолетнего брата, кражу носильных вещей совершила впервые в силу крайней нужды [4. Л. 9]. Другой пример: нарсудом Кагановического района осуждена Плаксина Валентина, 1928 г.р. к 1,5 годам лишения свободы и Плаксина Таисия, 1930 г.р. к условной мере. Обстоятельства дела следующие: девочки насобирали на колхозном поле 64 кг картошки для личного пользования. Суд, однако, не учел, что Валентина в семье старшая, кроме нее у матери еще трое несовершеннолетних детей, отец – на фронте. Чтобы обеспечивать семью она бросила учебу и начала работать в колхозе, кражу совершила впервые. В порядке кассации дело было пересмотрено краевым судом, который изменил наказание Валентине на год исправительно-трудовых работ по месту жительства [4. Л. 10].

Каждый подобный судебный казус – не просто свидетельство массовой криминализации жителей в условиях нехватки самого необходимого – одежды и обуви, продуктов питания, которые нужно было «заработать» в колхозе на трудодни или получить в городе по карточке в рамках выделенной государством нормы, каждое судебное дело – это пример индивидуального, неповторимого бытия одного человека в промежутке времени. Применение микроисторического подхода, предполагающего пристальное внимание на микросрезе – дает исследователю шанс узнать информацию о жизни обычных людей, их рутине – быте, ежедневном труде, эмоциях, жизненных ценностях, взаимоотношениях в обществе и семье. Несмотря на кажущееся криминальное поведение (согласно закону того времени) Валентина Плаксина или ленинградка Максимова, а также многие другие дети и подростки в годы войны идут на крайние меры, чтобы одеть и прокормить младших членов семьи, их проступки совершаются не с корыстной цели, хотя и неправомерно.

Наши предположения из судебной практики подтверждаются другими группами источников. Например, сохранились немногочисленные делопроизводственные документы о голоде в районах Ставропольского края и Карачаево-Черкессии в 1943 г. [3] Но еще более яркую картину дают воспоминания детей и взрослых о жизни военной деревни, их много – о полуголодном существовании, об употреблении в пищу суррогатов, о криминальных проступках на почве голода. Одна история из жизни девочки-подростка особенно трогает душу. Приведем его частично. Автор – Н.М. Алтухова – будучи в войну 10-13 летней девочкой беспристрастно рассказывает о том, как началась война, ушел на фронт и бесславно, по случайности, погиб на фронте отец. В семье осталась мама, Нина и ее трое маленьких братьев, они пережили оккупацию, в 1943 г., после 3 класса, учеба для девочки кончилась – нужно было помогать матери с домашним хозяйством. «А потом, в 1944 году, маму посадили в тюрьму. Она на себе в колхозе работала, принесла с поля 2 килограмма пшеницы. Председатель видел, что она зерно взяла, вызвал милицию. Только мама мешочек с зерном на сундук поставила, пришли милиционеры и забрали ее... Ей дали 2 года. Два года заключения за два килограмма пшеницы. Вместе с ней много еще людей осудили». 13-летняя

Нина осталась в семью за хозяйку, ее младший брат Володя тоже пошел работать в колхоз, он попросил сестру сшить ему специальную маленькую сумочку, чтобы выносить зерно под мышкой. «Стало легче жить... Мама из тюрьмы вышла летом 1945» [2. С. 187-192].

Таким образом, протоколы и обзоры судебной практики – один из интереснейших источников по истории повседневности советского общества в годы войны, который позволяет не только изучить отдельные судьбы людей (что, безусловно, интересно), но и сделать выводы о массовости того или иного преступления, причинах, его породивших, деятельности судов и отношения населения к власти, с одной стороны, и власти к обществу, с другой.

Выводы. В целом, говоря об источниках по истории повседневности Великой Отечественной войны, необходимо задействовать весь спектр имеющихся свидетельств. Их информативность, значимость и степень объективности будет, безусловно, различной, но применение комплекса документов, как письменных, так и устных, воспоминаний и интервью, вещественных и письменных, изобразительных и документальных – позволяет приблизиться к пониманию человека военного времени, его повседневных практик и стратегий выживания в экстремальной ситуации. Соединение приемов и методов исторической антропологии, микроистории, социологического и историко-юридического подходов в истории, принципов междисциплинарности при анализе судебных казусов поможет обогатить исследование истории повседневности Великой Отечественной войны новыми документальными комплексами.

На наш взгляд, дискуссии историков о «главных» и «второстепенных» видах исторических источников, микро- и макро- подходах, степени репрезентативности того или иного документального комплекса, предмета изучения и структуре повседневности должны быть подведены к общему знаменателю исторической антропологии, или поиска в истории «где пахнет человечиною», как писал М. Блок [1. С. 18]. Найти недостающую деталь, написанное между строк или, наоборот, не сказанное в документе истории XX века, изучить отдельную частную судьбу, лапидарную просьбу-обращение во власть – может одновременно и разрушить общую схему видения нами того или иного исторического процесса и придать ему остроту, казуальность, увидеть события в новом, совершенно неожиданном ракурсе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. Пер. Е.М. Лысенко. Примеч. А.Я. Гуревича. Изд. 2-е, доп. М.: «Наука», 1986. 256 с.
2. Великая Отечественная война: из первых уст: Сборник воспоминаний. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. 294 с.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 818. Л. 1-3.
4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-2828. Оп. 1. Д. 14.

5. **Зубкова Е.Ю.** Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 229 с.
6. **Кобозева З.М.** «Повседневные практики» в «истории повседневности»: как работает метод // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Филология, 2021 // <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnye-praktiki-v-istorii-povsednevnosti-kak-rabotaet-metod>.
7. **Козлова Н.** Советские люди: Сцены из истории. М.: Издательство Европа, 2005. 544 с.
8. **Кринко Е.Ф.** Великая Отечественная война в современной российской историографии: основные направления исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения // <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-sovremennoy-rossiyskoy-istoriografii-osnovnye-napravleniya-issledovaniy>.
9. **Кринко Е.Ф.** Повседневный мир советского человека 1920-1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций / Е.Ф. Кринко, И.Г. Тажидинова, Т.П. Хлынина. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
10. **Лебина Н.Л.** Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
11. **Орлов И.Б.** Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
12. **Поляков Ю.А.** Человек в повседневности. (Исторические аспекты) // Труды Института российской истории РАН. 1999-2000. Вып. 3 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2002.
13. **Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В.** Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина, 2014 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-istorii-povsednevnosti-v-sovremennom-istoricheskom-issledovanii-ot-shkoly-annalov-k-rossiyskoy-filosofskoy-shkole>.
14. Уголовный Кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением статейно-систематизированных материалов. М.: Государственное изд-во юридической литературы, 1950. 255 с.
15. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г. // «Ведомости Верховного Совета СССР» 5 июля 1940 г.

К.А. USHMAYEVA

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines, Stavropol Branch of Krasnodar
University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Stavropol, Russia

ON THE PROBLEM OF FINDING SOURCES ON THE HISTORY OF SOVIET EVERYDAY LIFE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The subject of this article is a set of sources on the history of the everyday life of the Great Patriotic War, various types and forms of historical evidence are analyzed, special attention is paid to the application of judicial practice materials that are little used in historical research. The relevance of the research is due to the increasing attention of researchers to the problems of everyday life of the Great Patriotic War and the problem of finding representative sources of reflection of various aspects of public life, private family practices during the war. The author notes that, in addition to relying on memories, memoirs, letters and other sources of personal origin, when reconstructing the history of everyday life, researchers often need official documentation that provides the most objective information about people's lives. Analyzing and searching for this kind of information in official sources is difficult, as it is often impersonal and overly ideological. Judicial practice – verdicts, court decisions, reviews and reports of the People's Commissariat of Justice – can help in the search for personal information in official documents. This type of sources, as the author shows by the example of a microanalysis of the judicial practice of the people's courts of the Stavropol Territory and Karachay-Cherkessia in 1943, allows not only to see in a small slice the nature and types of crime, the main motives of the crime of the law, allows to assess the activities of the judicial system, the relations of society and government, to characterize the moral attitudes of the defendants and attitudes towards them. The author concludes that it is necessary to make extensive use of all available historical evidence on the history of everyday life in a single complex.

Key words: daily life, historical sources, verdicts, judicial practice, the Great Patriotic War.